Японская мифология

японская мифология, совокупность древнеяпонской (синтоистской), буддийской и возникшей на их основе (с включением элементов даосизма) поздней народной мифологических систем. Древнеяпонская мифология запечатлена в многочисленных памятниках, таких, как «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.), «Нихонги» (или «Нихонсёки», «Анналы Японии», 720 г.), этногеографические описания японских провинций, так называемых фудоки («Записи о землях и обычаях», VIII в.), древнейшие молитвословия норито, «Когосюи» («Собрание древних слов», начало IX в.) и «Кюдзихонги» («Главные записи о делах старины», начало XII в.).

Наибольшее количество мифов, целые циклы их вошли в «Кодзики» и «Нихонги». Эти своды и составили официальную мифологию синто, частично адаптировав, а частично оттеснив на периферию и в низшую мифологию местные шаманистские культы.

Материалы первых свитков в обоих сводах позволяют выделить в них три основных мифологических цикла: в первом, космологическом цикле действие происходит на равнине высокого неба — такама-но хара, где обитают небесные боги, и в царстве мёртвых ёми-но купи. Во втором цикле Идзумо действие происходит на земле (Идзумо — древнее название местности, ныне расположенной в восточной части префектуры Симане в центральной Японии).

Третий цикл рассказывает о событиях, происходящих в местности Химука (нынешняя префектура Миядзаки, остров Кюсю). Героями мифов в этих свитках выступают боги — ками (иначе именуемые микото), одни из которых действуют и говорят подобно людям, другие же олицетворяют абстрактные, умозрительные представления.

Высшую категорию ками представляют собой небесные ками, среди которых, в свою очередь, выделяются «особые небесные» ками, ниже их стоят земные ками, обычно привязанные к определённой местности; и, наконец, ещё ниже — ками-духи, проявлением существования которых служат предметы и явления природы. В Я. м. нет единого творца — зачинателя мироздания, демиурга.

Всё начинается не с хаоса, а с самопроизвольного установления самого первоначального и элементарного порядка, одновременного появлению богов-ками. Первых ками трое: Амэ-но минакануси, Такамимусуби и Камимусуби.

В отличие от последующих поколений богов, являющихся парами, они не имеют пола и каких-либо внешних признаков. За этой троицей появляются ещё четыре ками-одиночки. Они уже менее абстрактны и связаны с теми или иными природными объектами.

Двое из них (сравни Амэ-но-токотати) были рождены в лоне земли, которую можно отождествить с Японией (поэтическое наименование Японии в мифах — Асихара-но накацукуни, «тростниковая равнина — срединная страна»). Следом рождаются бог, навечно утвердившийся на земле, и бог обильных облаков над равнинами — последние боги-одиночки.

Бог всплывающей грязи и его младшая сестра богиня осаждающегося песка открывают список богов, являющихся парами. Завершение космогонического процесса приходится на долю пятой пары этих богов Идзанаки и Идзанами.

Ко времени их появления «земля еще не вышла из младенчества» и, подобно плавающему жиру, носилась по морским волнам, поэтому высшие небесные боги поручают этим богам обратить жидкую землю в твердь, что они и совершают, мешая воду копьём. Затем, заключив брак, они рождают острова, составляющие Японию, а потом — богов-духов, которые должны эту страну населить.

Мир постепенно обретает свой обычный вид: являются горы и деревья, равнины и ущелья, туманы в ущельях и тёмные расщелины, а «хозяевами» всех предметов и явлений окружающего мира становятся рождённые здесь ками. Старшая дочь Идзанаки, Аматэрасу, получает во владение «равнину высокого неба» и становится главным божеством пантеона, покровительницей земледелия.

Небесные владения Аматэрасу описываются, как некое подобие земли. Здесь есть рисовые поля, покои для ткацких работ и т. п.

Повествования, связанные с нисхождением Сусаноо в Идзумо, могут рассматриваться как своего рода посредники, объединяющие два цикла мифов — мифы пришельцев и мифы коренных насельников Идзумо. В этих последних наиболее прославленным персонажем является О-кунинуси, отпрыск Сусаноо, который со своим помощником Сукунабикона занимается устроением мира.

С прибытия на землю Ниниги и его вступления во владения Японией начинается третий цикл мифов об установлении божественной власти на земле. Существование двух версий приведения к покорности земных богов: длительной и гуманной («Кодзики», «Нихонги») и краткой и воинственной («Когосюи») также отражает наличие двух разных культурных традиций, одна из которых принадлежала покорителям (небесные боги), другая — побеждённым (земные боги).

Характерной особенностью Я. м. является широкое отражение в ней веры древних японцев в магию. Исследователи отмечают, что японские мифы больше похожи на смесь различных суеверий, чем на связную сюжетную систему.

Подробное описание магических обрядов приводится в мифе о бегстве Идзанаки из подземного царства, содержащем распространённый в фольклоре многих народов мотив задержания погони посредством бросания различных предметов («магическое бегство»), и в мифе о сокрытии солнечной богини Аматэрасу в грот, где самым главным в магическом ритуале является танец богини Амэ-но удзумэ. В японских мифах вычленяется много сказочных мотивов и сюжетов, явно более позднего происхождения, чем основные сюжетные линии.

Сравни миф о победе Сусаноо над змеем Ямата-но ороти. В мифах действуют животные — помощники. Это мышь в рассказе об испытаниях О-кунинуси, «голый заяц» Акахада-но усаги, в мифе об О-кунинуси и его старших братьях — ясогами.

Полный и развитой сказочный сюжет воплощён в мифологическом рассказе о пребывании Хоори в подводном царстве, тоже явно более позднем по происхождению включении в мифологический свод. Литература:Арутюнов С. А., Светлов Г. Е., Старые и новые боги Японии, М., 1968;Конрад Н. И., Канун.

Японское древнее общество, в его кн.: Очерк истории культуры средневековой Японии VII—XVI вв., М., 1980;Пинус Е. М., Древние мифы японского народа, в кн.: Китай, Япония. История и филология.

К семидесятилетию академика Н. И. Конрада, М., 1961;Кодзики — Записи о делах древности. [Вступ. статья и пер. Е. М. Пинус], «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4;Obayashi Taryo, The Origins of Japanese Mythology, «Acta Asiatica, Bulletin of the Institute of Eastern Culture», Tokyo, 1977, v. 31;Vannovsky A., Volcanoes and the Sun, a new concept of the mythology of the Kojiki, Tokyo, 1960;Ито Сэйдзи, Ообаяси Таре, Нихон синва кэнкю, (Исследование мифов Японии), т. 1—3, Токио, 1977;Кодзики-Норито Нихон котэн бунгаку тайкэй (серия «Японская классическая литература»), т. 1, Токио, 1958;Мацумура Такэо, Нихон синва-но кэнкю (Изучение японской мифологии), 3 изд., т. 1—4, Токио, 1955—58;Нихонсёки.

Нихон котэн дзэнсё (Японские древние хроники), т. 1—2, Токио, 1969;Ообаяси Тарё, Нихон но синва (Японские мифы), Токио, 1976;его же, Нихон синва-но кигэн (Происхождение японских мифов), Токио, 1965. Е. М. Пинус. Буддийская мифология.

Буддизм (см. статью Буддийская мифология) получает распространение в Японии с середины VI в. вместе с потоком континентальной культуры из Кореи и Китая. Начиная с этого времени он оказывает существенное влияние на все стороны социальной и культурной жизни японского общества, находившегося на стадии перехода от общества раннеклассового к классовому.

Однако это происходит не столько за счёт подавления местных культов, сколько путём инфильтрации буддизма в те идеологические и духовные сферы, в которые синтоизм ещё не успел проникнуть. В первую очередь это касается государственного культа, а также обслуживания потребностей выделявшейся из кровнородственного коллектива личности.

Персонажи буддийской мифологии выступают не в своей основной ипостаси, а в изменённом обличье — обычно святыми (хидзири), творящими чудеса. Подобная трактовка будд и бодхисатв (босацу) через привычные образы полуфольклорных героев создавала широкие предпосылки и возможности для инкорпорирования идей и персонажей буддийской мифологии в жизнь японцев.

Святые первоначального японского буддизма сохраняют некоторые черты синтоистских шаманов и заклинателей. Они помогают добродетельным, наказывают злодеев, наставляют заблудших.

Главная роль при этом принадлежит аватарам бодхисатвы Каннон (Авалокитешвары), чаще всего осмысляемой, в отличие от Индии и подобно Китаю, в женском облике. Понимание ею личных нужд человека, безграничное сострадание, чего были лишены синтоистские божества, поклонение которым носило по преимуществу коллективный характер, сделало Каннон чрезвычайно популярной среди простого люда.

Другим главным действующим лицом буддийских мифов, преданий и легенд стал царь страны мёртвых — Эмма (санскр. Яма).

Считалось, что Эмма определяет меру грехов и благодеяний того или иного человека и соответствующее воздаяние, причём акцент делается не на будущих рождениях (как в ортодоксальном буддизме), а переносится на данную жизнь человека. Уже в VIII в. с Эммой стали отождествлять бодхисатву Дзидзо.

Характерной чертой сложившегося в результате сосуществования буддизма и синтоизма общего пантеона стала двуединость многих входящих в него божеств: тот или иной будда являл себя через определённое божество синтоизма (например, Вайрочана в образе Аматэрасу), сохраняя при этом собственные свойства и приобретая дополнительно свойства этого божества. С распространением буддизма космология дополнилась сложными представлениями о мировой вертикали — горе и шести мирах, в которых перерождаются умершие в соответствии с их моральными заслугами.

Однако в народном буддизме эта картина довольно быстро упростилась. Небеса и адские судилища в представлениях японцев отождествились с реальными горами, издавна считавшимися обиталищами ками.

Так, например, горы Кумано, священные и в добуддийскую эпоху, с начала IX в. стали почитаться как место расположения раёв бодхисатв Каннон и Амиды. Эсотерические секты Сингон (буквально «истинные слова», перевод санскритского «мантра») и Тэндай («опора неба», кит.

Тянь-тай) впервые вводят рисованные изображения будд и бодхисатв (раньше типично было их скульптурное воплощение), первостепенное значение приобретает мандала, в центре которой находится Вайрочана. Культ Вайрочаны особенно развит в учении Сингон, согласно которому всё живое и неживое на земле является эманацией этого будды.

Пантеон Тэндай более многочислен. Приверженцы Тэндай почитали и Шакьямуни (япон. Сяка-нёрай), и Вайрочану, и будду Амитабху (Амида), и Бхайшаджьягуру, исцеляющего людей от телесных и духовных недугов, и многих других будд и бодхисатв.

Секта Дзёдо-сю (буквально «чистая земля»), получившая распространение в XII в., осуществила серьёзный пересмотр основных положений буддийской доктрины. Конечной целью человеческого существования объявлялась не нирвана (япон. сатори), а возрождение в западном раю «чистой земли», которым правит Амида.

Раньше представления о рае и аде совмещались в стране мёртвых царя Эммы. Это типологически соответствовало синтоистским идеям о потустороннем существовании, согласно которым статус каждого умершего одинаков: вне зависимости от его земных деяний, он является объектом поклонения для своих потомков.

В учении Дзёдо-сю рай и ад разделены. Среди сект «чистой земли» Амиде особенно большое место отводилось в учении Дзёдо-син-сю (истинная секта чистой земли), основанной в XIII в.

Начиная с 1614, когда был издан указ, согласно которому каждому японцу вменялось в обязанность посещать храм того прихода, где он проживал, вне зависимости от принадлежности к той или иной секте, наблюдается постепенное нивелирование мифологии, догматики и обрядности различных японских буддийских сект. Народные верования буддизма в новое время обнаруживают аморфность и синкретичность. На эти верования заметное влияние оказала практика синтоизма и отчасти даосизма.